

The Moonshine Lake

Mikhail Bulgakov

Mila Sanina is the social media editor at the the *Pittsburgh Post Gazette* and Michael Wagner worked as a physician before taking up a research career in biomedical informatics. They met by chance at a café, and translated a collection of 101 feuilletons written by Mikhail Bulgakov between November 1919 and March 1926. *The Moonshine Lake* is one of those feuilletons, describing the life in Apartment 50 at Bolshaya Sadovaya ulitsa No. 10 in Moscow.

From the archives of the website
The Master and Margarita

<http://www.masterandmargarita.eu>

Webmaster

Jan Vanhellemont
Klein Begijnhof 6
B-3000 Leuven
+3216583866
+32475260793

Самогонное озеро

Михаил Афанасьевич Булгаков

В десять часов вечера под светлое воскресенье утих наш проклятый коридор. В блаженной тишине родилась у меня жгучая мысль о том, что исполнилось мое мечтанье, и бабка Павловна, торгующая папиросами, умерла. Решил это я потому, что из комнаты Павловны не доносилось криков истязуемого ее сына Шурки. Я сладострастно улыбнулся, сел в драное кресло и развернул томик Марка Твэна. О, миг блаженный, светлый час!

...И в десять с четвертью вечера в коридоре трижды пропел петух. Петух - ничего особенного. Ведь жил же у Павловны полгода поросенок в комнате. Вообще Москва не Берлин, это раз, а во-вторых, человека, живущего полтора года в коридоре No 50, не удивишь ничем. Не факт неожиданного появления петуха испугал меня, а то обстоятельство, что петух пел в десять часов вечера. Петух - не соловей и в довоенное время пел на рассвете.

- Неужели эти мерзавцы напоили петуха? - спросил я, оторвавшись от Твэна, у моей несчастной жены.

Но та не успела ответить. Вслед за вступительной петушиной фанфарой начался непрерывный вопль петуха. Затем завыл мужской голос. Но как! Это был непрерывный басовый вой в до-диезной душевной боли и отчаяния, предсмертный тяжкий вой.

Захлопали все двери, загремели шаги. Твэна я бросил и кинулся в коридор. В коридоре под лампочкой, в тесном кольце изумленных жителей знаменитого коридора, стоял неизвестный мне гражданин. Ноги его были растопырены, как ижица, он покачивался и, не закрывая рта, испускал этот самый исступленный вой, испугавший меня. В коридоре я расслышал, что нечленораздельная длинная нота (фермато) сменилась речитативом:

- Так-то, - хрипло давился и завывал неизвестный гражданин, обливаясь крупными слезами, - Христос воскресе! Очень хорошо поступаете! Так не доставайся же никому!!! А-а-а-а!!

И с этими словами он драл пучками перья из хвоста у петуха, который бился у него в руках.

Moonshine Lake

Mikhail Afanasievich Bulgakov

At ten p.m. before Easter Sunday, our accursed hallway became quiet. In the blissful silence was born in me the burning thought that my dream had arrived and that the bimbo Pavlovna, who trades in cigarettes, had died. I decided this because from Pavlovna's room did not carry the cries of her tortured son Shurik. I voluptuously smiled, sat in the torn armchair and unfurled Mark Twain's volume. Oh this blissful moment, this bright hour!

...Then, at 10:15 pm, in the corridor, a rooster thrice crowed. A rooster is nothing special. Indeed, a suckling pig lived in Pavlovna's room for half a year. Generally, Moscow is not Berlin, for one thing, but in the second place, a man living one-and-a-half years in the corridor of No 50 you will not in any way astonish. It wasn't the fact of the unexpected appearance of a rooster that frightened me, but rather the circumstance that the rooster sang at ten p.m. A rooster is not a nightingale that in the prewar times sang at dawn.

- Did these villains really get a rooster drunk? - I asked my unhappy wife, after pulling myself away from Twain.

But she did not have time to answer. Following upon the entrance flourish began an unbroken howling from the rooster. Then a man's voice began to wail. And howl! It was an uninterrupted bass howl in C-sharp, soulful suffering and desperation, an agonal painful howl.

All the doors were thrown open, footsteps thundered. I dropped Twain and made for the corridor. In the corridor under the lamp, within a tight circle of amazed inhabitants of the famous corridor, stood a citizen unknown to me. His legs were spread wide as the letter W, he rocked, and without shutting his mouth, filled this most frenzied howl, which frightened me. In the corridor, I caught how the inarticulate long note gave way to an intoned recitative:

- Such a one, - hoarsely choked and howled the unknown citizen, being doused by large tears, - Christ is Risen! Very well you act! So you will belong to no one!!! A-a-a-a-a!!

And with these words he tore bundles of feathers from the tail of the rooster, which thrashed in his hands.

Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что петух совершенно трезв. Но на лице у петуха была написана нечеловеческая мука. Глаза его вылезали из орбит, он хлопал крыльями и выдирался из цепких рук неизвестного. Павловна, Шурка, шофер, Аннушка, аннушкин Миша, дуськин муж и обе Дуськи стояли кольцом в совершенном молчании и неподвижно, как вколотенные в пол. На сей раз я их не виню. Даже они лишились дара слова. Сцену обдирания живого петуха они видели, как и я, впервые.

Квартхоз [1] квартиры № 50 Василий Иванович криво и отчаянно улыбался, хватая петуха то за неуловимое крыло, то за ноги, пытался вырвать его у неизвестного гражданина.

- Иван Гаврилович! Побойся бога! - вскрикивал он, трезвее на моих глазах. - Никто твоего петуха не берет, будь он трижды проклят! Не мучай птицу под светлое христово воскресение! Иван Гаврилович, приди в себя!

Я опомнился первым и вдохновенным вольтом выбил петуха из рук гражданина. Петух взметнулся, ударился грузно о лампочку, затем снизился и исчез за поворотом, там, где павловнина кладовка. И гражданин мгновенно стих.

Случай был экстраординарный, как хотите, и лишь поэтому он кончился для меня благополучно. Квартхоз не говорил мне, что я, если мне не нравится эта квартира, могу подыскать себе обособняк. Павловна не говорила, что я жгу лампочку до пяти часов, занимаясь "неизвестно какими делами", и что я вообще совершенно напрасно затесался туда, где проживает она. Шурку она имеет право бить, потому это ее Шурка. И пусть я заведу себе "своих Шурок" и ем их с кашей.

- "Я, Павловна, если вы еще раз ударите Шурку по голове, подам на вас в суд и вы будете сидеть год за истязание ребенка", - помогало плохо. Павловна грозилась, что она подаст "заявку" в правление, чтобы меня выселили "Ежели кому не нравится, пусть идет туда, где образованные".

Словом, на сей раз ничего не было. В гробовом молчании разошлись все обитатели самой знаменитой квартиры в Москве. Неизвестного гражданина квартхоз и Катерина Ивановна под руки повели на лестницу. Неизвестный шел красный, дрожа и покачиваясь, молча и

One glance was sufficient to ascertain that the rooster was completely sober. But on the face of the rooster was written inhuman suffering. Its eyes were popping out from the orbits, it clapped its wings and thrashed out from the tenacious hands of the unknown citizen. Pavlovna, Shurka, the chauffeur, Annushka, Annushka's Misha, Duskin's husband and both Duskins stood in a circle in perfect silence and motionless, as if nailed to the floor. On this occasion, I do not blame them. They even lost the gift of speech. They saw, as did I, the scene of the peeling of a live rooster for the first time.

The kvartkhoz [1] of apartment № 50, Vasili Ivanovich, crookedly and desperately smiled, grasping the rooster first by the elusive wing, then, by the legs, he attempted to pull it from the unknown citizen.

- Ivan Gavrilovich! Be God fearing! - he yelled, soberingly on my eyes. - No one is taking your rooster, it be three times cursed! Do not torment the bird on Easter Sunday! Ivan Gavrilovich, come to yourself!

I first came to my senses and then with inspired voltage knocked the rooster out from the hands of the citizen. The rooster shot up, it struck heavily against the lamp, then descended and disappeared behind a turn, to where is Pavlovnina's pantry. And the citizen instantly calmed down.

The case was extraordinary, if you will, but only because it ended for me satisfactorily. The kvartkhoz did not tell me that I, if this apartment does not please me, can seek out a house for myself. Pavlovna did not indicate that I burn a lamp for five hours, occupying myself "with who knows what kind of business," and that I, generally, completely in vain intruded there, where she lives. She has the right to beat because it is her Shurka. And let me bring to myself "my own Shurkas" and feed them with kasha.

- "I, Pavlovna, if you again strike Shurka on the head, will give you to the law court and you will be imprisoned for a year for the torture of a child." Pavlovna threatened that she will give "claim" to the administration so that they would evict me. "Really, if someone is not pleased, let him go to there, where there are educated people."

In a word, at this time nothing at all happened. Into the sepulchral silence all the inhabitants of the most famous apartment in Moscow dispersed. The unknown citizen was led by the kvartkhoz and Katerina Ivanovna by hand to the stairs. The unknown citizen went red, trembling and rocking, silently and after staring

выкатив убойные, угасающие глаза. Он был похож на отравленного беленой. Обессилевшего петуха Павловна и Шурка поймали под кадушкой и тоже унесли.

Катерина Ивановна, вернувшись, рассказала:

- Пошел мой сукин сын (читай: квартхоз - муж Катерины Ивановны), как добрый, за покупками. Купил-таки у Сидоровны четверть. Гаврилыча пригласил - идем, говорит, попробуем. Все люди, как люди, а они наакались, прости господи мое согрешение, еще поп в церкви не звякнул. Ума не приложу, что с Гаврилычем сделалось. Выпили они, мой ему и говорит: чем тебе, Гаврилыч, с петухом в уборную иттить, дай я его подержу. А тот возьми, да взбеленись. А, говорит, ты, говорит, петуха хочешь присвоить? И начал выть. Что ему почудилось, господь его ведает!

В два часа ночи квартхоз, разговевшись, выбил все стекла, избил жену и свой поступок объяснил тем, что она заела ему жизнь. Я в это время был с женою у заутрени, и скандал шел без моего участия. Население квартиры дрогнуло и вызвало председателя правления. Председатель правления явился немедленно. С блестящими глазами и красный, как флаг, посмотрел на посиневшую Катерину Ивановну и сказал:

- Удивляюсь я тебе, Василь Иваныч: глава дома и не можешь с бабой совладать. Это был первый случай в жизни нашего председателя, когда он не обрадовался своим словам. Ему лично, шоферу и дуськину мужу пришлось обезоруживать Василь Иваныча, причем он порезал себе руку (Василь Иваныч после слов председателя вооружился кухонным ножом, чтобы резать Катерину Ивановну: - "Так я ж ей покажу").

Председатель, заперев Катерину Ивановну в кладовке Павловны, внушал Иванычу, что Катерина Ивановна убежала, и Василь Иваныч заснул со словами:

- Ладно. Я ее завтра зарежу. Она моих рук не избежит.

Председатель ушел со словами:

- Ну и самогон у Сидоровны. Зверь - самогон. В три часа ночи явился Иван Сидорыч.

Публично заявляю: если бы я был мужчина, а не тряпка, я, конечно, выкинул бы Ивана

with doomed, ebbing eyes. He resembled a man poisoned with henbane. They caught the limp rooster of Pavlovna and Shurka under the tub and also took it away.

Katerina Ivanovna, after returning, related the events thusly:

- My son of a bitch (read: her husband) went shopping. He bought a fifth from Sidorovna. He invited Gavrilych, - "Let's go," he says, "and try a little." People will be people, and they lapped up their fill, Forgive Lord my sin, if the priest in the church did not give a ring for it already. I will not exert my soul for that which happened to Gavrilych. They drank, my husband to him says: for what, Gavrilych, with the rooster into the restroom to go, give him to me, I will hold. But then he takes, yes he gets mad. And, he says, 'you,' he says, 'want to appropriate the rooster?' And he began to howl. What he seemed to see, Lord only knows!

At two a.m. the kvartkhoz, after breaking the fast, broke all the glasses, thrashed his wife, and explained his action by the fact that she ate up his life. I was at this time with my wife in morning prayer and the scandal went without my participation. The population of the apartment trembled and summoned the chairman of the administration. The chairman of the administration appeared immediately. With blazing eyes, red as a flag, he looked at the turned-blue (bruised) Katerina Ivanovna and said:

- I am surprised at you, Vasili Ivanych, that the head of a house cannot cope with some bimbo. This was the first case in the life of our chairman when he was not delighted with his own words. To himself personally, to the chauffeur and to Duskin's husband it fell to disarm Vasili Ivanych, because he had himself on the hand (Vasili Ivanych, according to the words of chairman, had armed himself with a kitchen knife in order to cut Katerina Ivanovna: - "Now I will show her").

The Chairman, having locked Katerina Ivanovna in the pantry of Pavlovna, suggested to Ivanych, that Katerina Ivanovna ran away and Vasili Ivanych fell asleep with the words:

- OK, tomorrow I will slaughter her. She will not escape my hands.

The Chairman left with the words:

- Well, the moonshine at Sidorovna's. Evil beast, that home brew.

At three a.m. appeared Ivan Sidorych. Publicly I declare: if I was man, and not a rag, I would, of course, throw out Ivan Sidorych there from my

Сидорыча вон из своей комнаты. Но я его боюсь. Он самое сильное лицо в правлении после председателя. Может быть, выселить ему и не удастся (а может, и удастся, черт его знает!), но отравить мне существование он может совершенно свободно. Для меня же это самое ужасное. Если мне отравят существование, я не могу писать фельетоны, а если я не буду писать фельетоны, то произойдет финансовый крах.

- Драсс... гражданин журн... лист, - сказал Иван Сидорыч, качаясь, как былинка под ветром.

- Я к вам.

- Очень приятно.

- Я насчет эсперанто...

- ?

- Заметку бы написа... статью... Желаю открыть общество... Так и написать: "Иван Сидорыч, эсперантист, желает, мол"...

И вдруг Сидорыч заговорил на эсперанто (кстати: удивительно противный язык).

Не знаю, что прочел эсперантист в моих глазах, но только он вдруг съежился, странные кургузые слова, похожие на помесь латинско-русских слов, стали обрываться, и Иван Сидорыч перешел на общедоступный язык.

- Впрочем... извин... с... я завтра.

- Милости просим, - ласково ответил я, подводя Ивана Сидорыча к двери (он почему-то хотел выйти через стену).

- Его нельзя выгнать? - спросила по уходе жена.

- Нет, детка, нельзя.

Утром, в девять, праздник начался матлотом, исполненным Василием Ивановичем на гармонике (плясала Катерина Ивановна) и речью вдребезги пьяного Аннушкиного Миши, обращенной ко мне. Миша от своего лица и от лица неизвестных мне граждан выразил мне свое уважение.

В 10 пришел младший дворник (выпивший слегка), в 10 ч. 20 м. старший (мертво-пьяный), в 10 ч. 25 м. истопник (в страшном состоянии). Молчал и молча ушел. 5 миллионов, данные мною, потерял тут же в коридоре.

В полдень Сидоровна нахально не долила на три пальца четверть Василию Ивановичу. Тот тогда, взяв пустую четверть, отправился куда следует и заявил:

- Самогоном торгуют. Желаю арестовать.

- А ты не путаешь? - мрачно спросили его где

room. But I fear him. He is the most powerful person in the administration after the chairman. It can be that to evict him will not succeed, (or maybe it will succeed, the devil knows!), but to poison to me existence he can completely freely. For me this is most terrible. If to me they poison existence, I cannot write feuilletons, while if I will not write feuilletons, then a financial crash will occur.

- Herro... Mr. Djourn-a-lisht, - said Ivan Sidorych, rocking like a blade of grass in the wind.

- It is my pleasure.

- I `m coming to zyou about the eshperanto...

- ?

- I would like to jwrite a note... an article... I desire to open a soshiety... Sho write thus: "Ivan Shidorych, esperantist, deshires, please"...

And suddenly Sidorych addressed me in Esperanto (by the way: an amazingly contrary language).

I do not know what the esperantist read in my eyes, only that he suddenly crumpled, the strange dock-tailed words, resembling a cross-breed of Latin-Russian words, began to be broken and Ivan Sidorych passed into an easily understood language.

- However, exshcuse me... ... I will come tomorrow.

- You are welcome!, I affectionately answered, bringing Ivan Sidorych to the door (he for some reason wants to leave through the wall).

- He cannot be expelled? - asked my wife upon his exit.

- No, detka, it is not possible.

In the morning, at nine a.m., the holiday began, with the performance of Vasili Ivanovich on the accordion (danced Katerina Ivanovna) and by the speech of the into-smithereens-drunk Annushka's Misha, addressed to me. Misha for his own part and on behalf of a citizen unknown to me expressed to me his respects.

At 10 a.m. arrived the junior yard-keeper (slightly drunk), at 10:20 the elder (dead drunk), at 10:25 the stoker (in a terrible state). He kept silent and silently left. Five million, given to me, was lost here in the corridor.

At noon, Sidorovna impudently did not add by three fingers to the fifth of Vasili Ivanovich. So then, after taking the empty fifth, he headed off to where things are investigated and stated:

- They are selling moonshine. I want to arrest.

- And you are not confused? - they darkly asked him where things are investigated. - According to our information, home brewing isn't going on

следует. - По нашим сведениям, самогону в вашем квартале нету.
- Нету? - горько усмехнулся Василий Иванович. - Очень даже замечательны ваши слова.
- Так вот и нету. И как ты оказался трезвый, ежели у вас самогон? Иди-ка лучше - проспись. Завтра подашь заявление, которые с самогоном.
- Тэк-с... понимаем, - сказал, ошеломленно улыбаясь, Василий Иванович. - Стало быть, управы на их нету?
Пушай не доливают. А что касается, какой я трезвый, понюхайте четверть. Четверть оказалась с "явно выраженным запахом сивушных масел".
- Веди! - сказали тогда Василию Ивановичу. И он привел.
Когда Василий Иванович проснулся, он сказал Катерине Ивановне:
- Сбегай к Сидоровне за четвертью.
- Очнись, окаянная душа, - ответила Катерина Ивановна, - Сидоровну закрыли.
- Как? Как же они пронюхали? - удивился Василий Иванович.

Я ликовал. Но ненадолго. Через полчаса Катерина Ивановна явилась с полной четвертью. Оказалось, что забил свеженький источник у Makeicha через два дома от Сидоровны. В 7 часов вечера я вырвал Наташу из рук ее супруга, пекаря Володи ("Не смей бить!!", "Моя жена!" и т. д.). В 8 часов вечера, когда грянул лихой матлот и заплясала Аннушка, жена встала с дивана и сказала:
- Больше я не могу. Сделай, что хочешь, но мы должны уехать отсюда.
- Детка, - ответил я в отчаянии. - Что я могу сделать? Я не могу достать комнату. Она стоит 20 миллиардов, я получаю четыре. Пока я не допишу романа, мы не можем ни на что надеяться. Терпи.
- Я не о себе, - ответила жена. - Но ты никогда не допишешь романа. Никогда. Жизнь безнадежная. Я приму морфий.

При этих словах я почувствовал, что я стал железным. Я ответил, и голос мой был полон металла: - Морфию ты не примешь, потому что я тебе этого не позволю. А роман я допишу, и, смею уверить, это будет такой роман, что от него небу станет жарко.

Затем я помог жене одеться, запер дверь на ключ и замок, попросил Дусю первую (не пьет ничего, кроме портвейна) смотреть, чтоб замок никто не ломал, и увез жену на три дня праздника на Никитскую к сестре.

Накануне, Москва, 29 июля 1923 года.

in your block.

- It is not? - ironically smiled Vasili Ivanovich. - Very remarkable are your words.
- So here it is not. And how can you prove yourself to be sober, if you really have home brew? Go. Even better, sleep it off. You will tomorrow give a statement, who is with the home brew.
- OK... understood, - Vasili Ivanych said dazedly, while smiling.
- Could it be that they don't have authority over them? Let them not top it off. But concerning, what I sober, smell the fifth. The fifth proved to be with "the clearly expressed smell of fusel oils".
- Lead the way! - they then said to Vasili Ivanovich. And he brought them.
When Vasili Ivanovich awoke, he said to Katerina Ivanovna:
- Run off to Sidorovn's for a fifth.
- Wake up and smell the coffee, damn soul, - answered Katerina Ivanovna, - Sidorovn's was shut down.
- What? But how they get wind of it? - Vasili Ivanovich said with surprise.

I rejoiced. But not for long. After a half-hour Katerina Ivanovna appeared with a full fifth. It turned out that he forgot the fresh source at Makeicha's, two houses from Sidorovn's. At 7 p.m., I pulled Natasha away from the hands of her husband, the baker Volodya. ("Not to dare to beat!!," "My wife" and so forth). At 8 p.m., when Matlot burst out dashing and Annushka began to dance, my wife arose from the sofa and said:
- I cannot take more of this. Do what you want, but we should get out of here.
- Detka, - I answered in desperation, - what can I do? I am not able to get a room. It costs 20 billion, I make four. While I have not completed a novel, we cannot hope for anything. Be patient.
- It is not for me, - answered my wife. - But you will never write novel. Never. Life is hopeless. I will take morphine.

I felt with these words that I became iron. I answered and my voice was full of metal: - You will not take morphine, because I you this will not allow. But a novel I will write and, I dare to assure, this will be such novel, that heaven will become hot.

Then I helped my wife to dress, locked door to the key and soaked, it asked Dusya first (he drinks nothing except port), to look so that the lock no one would break, and I drove away wife on three days of holiday to Nikitskuyu, to her sister's.

Nakanune, Moscow, July 29, 1923.

EPILOG

I have a program. Over the course of two months, I shall undertake to effect a desiccation of Moscow, if not completely, then by 90%.

Terms and conditions: I will run the show. I will personally select the staff of candle holders from students. They must receive a very high stipend (400 rubles in gold. The deal is authorized). 100 hires. For me, an apartment with three rooms with a kitchen and a lump sum payment of 1000 rubles in gold. A pension to my wife in the event that they kill me.

Unrestricted authority. By my order, they will be taken without delay. A trial within 24 hours with no possible change in the fine.

I will carry out a massacre of all the Siderovs and Makeicheis and a reflectively just massacre of the "Corner Standers" and the "Flowers of Georgia" and the "Tamara's Lock."

Moscow will become like the Sahara, and there will be only light red and white wine in the oases under the electric signs that read "Business open until 12 midnight."

Moscow, 1923.

[1] *Квартхоз* (*kvarthoz*) is a typical Soviet abbreviation for *квартирное хозяйство* (*kvartirnoe hozyaystvo*) or flat administrator.